

О СЕМАНТИКЕ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕДЕЛА¹

Кашкин Егор Владимирович

научный сотрудник, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
egorkashkin@rambler.ru

1. Введение

Статья посвящена сложным глагольным комплексам в горномарийском языке, относящимся к уральской семье. Под сложными глагольными комплексами понимаются конструкции, состоящие из конверба (деепричастия)² смыслового глагола и грамматикализованного финитного глагола:

- (1) *män' vârgem-äm košt-en šänd-en-äm*
я бельё-АСС сушить-CVB сажать-PRET-1SG
'Я высушил бельё (букв.: суша посадил).'
- (2) *marê jasê pi-m*
мужчина больной собака-АСС
lï-en šu-en
стрелять-CVB бросить-PRET
'Мужик застрелил больную собаку (букв.: стреляя бросил).'

Конструкции, подобные представленным в (1)–(2), широко распространены в марийских языках, см. [Серебренников 1960: 190–199; Пенгитов и др. (ред) 1961: 202–216; Чхаидзе 1969;

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

² В горномарийском языке имеются также конвербы на *-de*, *-meškä*, *-mâkâ* / *-mäkä*, *-mâla* / *-mälä*, *-šâla* / *-šälä*, *-šašlanen* / *-šäšlänen* (последний, однако, отсутствует в исследуемом нами идиоме). Базовая информация об их свойствах доступна в [Саваткова 2002: 233–247]. Смысловый глагол в сложных глагольных комплексах они маркировать не могут. От некоторых глаголов вместо конверба на *-n* образуется конверб с нулевым показателем (см. [Саваткова 2002: 234]). Он может входить в состав сложных глагольных комплексов. Показатель претерита (2-го прошедшего времени) материально совпадает с показателем конверба на *-n*, поэтому формы претерита 3 л. ед. ч., не имеющие лично-числовых показателей, материально совпадают с формами данного конверба. Морфосинтаксический статус каждой из форм на *-n* в формах 3 л. ед. ч. однозначно устанавливается на основании того факта, что словоизменению может подвергаться только второй компонент, (см. (1)).

Driussi 1992-1993; Bradley 2010]. Эти конструкции демонстрируют высокую степень синтаксической слитности (ср., например, невозможность перестановки компонентов и вставки составляющих между компонентами). Вопросы синтаксического анализа сложных глагольных комплексов освещаются в [Гращенков 2015] на материале тюркских языков, в т. ч. ареально близких горномарийскому. Мы же сосредоточимся на анализе сочетаемостных ограничений на заполнение слотов конструкций и на сопоставлении семантики близких по значению конструкций. В перечисленных работах предшественников указанная проблематика подробно не рассматривалась. В этой статье она будет освещена на примере конструкций с грамматикализованными глаголами *šändäš* ‘сажать’ и *šuaš* ‘бросить’, описывающих достижение предела. В типологических исследованиях, посвященных различным типам сложных предикатов, марийские данные не приводятся (см., например, [Aikenvald, Dixon (eds.) 2006; Amberber et al. (eds.) 2010]).

Материал собран в экспедициях ОТиПЛ МГУ¹ (2016–2018 гг.) по изучению восточных говоров горномарийского языка в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в окрестных деревнях (Апшак-Пеляк, Кожланангер, Кукшилиды, Никишкино, Паулкино, Тюманово). Мы опираемся как на результаты анкетирования информантов, так и на пополняемый экспедиционный корпус устных текстов (в статье учтены данные по текстам, насчитывающим суммарно около 34 тыс. словоупотреблений). Текстовые примеры имеют в статье помету «Корпус», примеры из анкет не имеют специальной пометы.

Дальнейшая часть статьи имеет следующую структуру. В разделе 2 описана исходная семантика глаголов *šändäš* и *šuaš*. В разделе 3 сопоставлены их базовые употребления в сложных глагольных комплексах. Раздел 4 посвящен таким употреблениям конструкций с глаголом *šuaš*, в которых он может отклоняться от сформулированного в разделе 3 прототипа. В разделе 5 подводятся итоги.

2. Исходная семантика грамматикализованных глаголов

В этом разделе мы кратко опишем прямые употребления глаголов *šändäš* и *šuaš*, что необходимо для адекватного представления развиваемых ими путей грамматикализации.

---

¹ Подробнее см. на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws/>

Глагол *šändäš* ‘сажать’ в прямых употреблениях описывает помещение объекта в устойчивое положение, но не вертикально ориентированное (в этом случае, например по отношению к устанавливаемому столбу, используется глагол *šagaltaš* ‘ставить’) и не горизонтально ориентированное (в этом случае выбирается глагол *pištäš* ‘класть’ – например, в ситуации, когда на стол кладут нож):

(3) *män' kot'i-m pâlviuj-äšk-em šänd-äš-äm*
 я кошка- ACC колено- ILL-POSS.1SG сажать- AOR-1SG
 ‘Я посадил кошку на колени’.

(4) *män' kruška-m stöl vë-kë šänd-äš-äm*
 я кружка-ACC стол верх-ILL2 сажать-AOR-1SG
 ‘Я поставила чашку на стол’.

Глагол *šuaš* ‘бросить’ описывает однократный бросок (5). Ситуация повторяющихся бросков описывается глаголом *käškäš* (6). Более подробные сведения о прямых употреблениях горномарийских глаголов бросания доступны в [Мордашова 2017].

(5) *ärvezä-vlä okn'a gäc mänâ-vlä-m*
 мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC
šu-en-ät
 бросить-PRET-3PL
 ‘Мальчики бросили яйца из окна (все разом)’.

(6) *ärvezä-vlä okn'a gäc mänâ-vlä-m*
 мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC
käšk-en-ät
 бросать-PRET-3PL
 ‘Мальчики бросали яйца из окна’.

3. Сложные глагольные комплексы: семантика и сочетаемость

3.1 Корпусные данные

В исследованном корпусе текстов зафиксировано 147 вхождений глагола *šändäš* в сложных глагольных комплексах. Данные о его сочетаемости с различными смысловыми глаголами суммированы в Таблице 1.

Таблица 1

Сочетаемость с глаголом *šändäš* в сложных глагольных комплексах

Смысловый глагол	Частотность
<i>pitäräš</i> 'закрывать, запираť'	11
<i>äštäš</i> 'делать'	10
<i>kačkaš</i> 'есть'	9
<i>optaš</i> 'класть, наливать, насыпать'	9
<i>čičäš</i> 'надевать'	8
<i>jämdäläš</i> 'готовить'	6
<i>siräš</i> 'писать'	6
<i>jalštaš</i> 'завязывать'	4
<i>pârtaš</i> 'заносить'	4
<i>nüštäläš</i> 'месить'	3
<i>päčkedäš</i> 'резать'	3
<i>pânzaš</i> 'выкручивать, закручивать'	3
<i>risujaš</i> 'рисовать'	3
<i>šäräš</i> 'разворачивать, расстилать'	3
<i>šoltaš</i> 'варить'	3
<i>karajaš</i> 'копать'	2
<i>käčäš</i> 'держать'	2
<i>müdäš</i> 'скрывать, закрывать'	2
<i>nabiräjäš</i> 'набирать (на компьютере)'	2
<i>näläš</i> 'брать'	2
<i>säkäš</i> 'вешать'	2
<i>čistäjäš</i> 'чистить'	2
<i>loktälaš</i> 'портить, разорять'	2
<i>pogaš</i> 'собирать'	2
Еще 44 глагола, в т. ч. <i>kandaš</i> 'приносить', <i>jüäš</i> 'пить', <i>mäškaš</i> 'мыть', <i>ârvalaš</i> 'замешивать тесто', <i>täškaš</i> 'лепить'	по 1

Глагол *šuaš*, по корпусным данным, менее частотен в сложных глагольных комплексах. Его вхождений в таких конструкциях нашлось 22, сведения о них обобщены в Таблице 2.

Таблица 2

Сочетаемость с глаголом *šuaš* в сложных глагольных комплексах

Смысловый глагол	Частотность
<i>mondaš</i> 'забывать'	3
<i>kädašaš</i> 'снимать'	2
<i>läktaš</i> 'извлекать, выносить'	2
Еще 15 глаголов, в т. ч. <i>pädârtaš</i> 'ломать', <i>jälataš</i> 'жечь', <i>jörtäš</i> 'гасить', <i>potopaš</i> 'затапливать', <i>pajêlaš</i> 'делить'	по 1

3.2 Базовые сочетаемостные ограничения

3.2.1 Глагол *šändäš*

Среди смысловых глаголов, используемых в конструкциях с *šändäš*, можно выделить два основных класса¹. Во-первых, это глаголы создания объекта (например, *äštäš* ‘делать’, *siräš* ‘писать’, *jalštaš* ‘завязывать’, *jämdäläš* ‘готовить’):

(7)	<i>pätäri=ok</i>	<i>äšt-en</i>	<i>šänd-ät</i>
	сначала=EMPH	делать-CVB	сжать-NPST.3SG
	<i>nünžäk-äm.</i>		
	тесто-ACC		
	<i>läškä-län</i>	<i>jämdä-l-en</i>	<i>šänd-ät,</i>
	лапша-DAT	готовый-DENOM1-CVB	сжать-NPST.3PL
	<i>tä-škä</i>	<i>kolt-at:</i>	<i>tarâk-eš</i>
	тот-ILL	посылать-NPST.3PL	простокваша-LAT
	<i>nüštäl-ät,</i>	<i>lašäš-äm,</i>	<i>tarâk-äm</i>
	мешать-NPST.3PL	мука-ACC	простокваша-ACC
	<i>pišt-ät</i>		
	класть-NPST.3PL		

‘Сперва готовят тесто. Готовят для молочного супа, туда кладут: замешивают на простокваше, муку, простоквашу кладут’ . [Корпус]

Во-вторых, это наименования предельных процессов², часто являющиеся инкрементальными (см. [Dowty 1991: 567–571; Krifka 1992; Падучева 2004]), а именно предполагающие накопление ресурса в результате воздействия на пациентивного участника в ходе развития ситуации, например *optaš* ‘класть, наливать, насыпать’, *kačkaš* ‘есть’, *čiiš* ‘надевать’, *pogaš* ‘собирать’, *šeläš* ‘колоть’ (дрова) – см. также (8). В [Серебренников 1960: 194] значение когнатных луговомарийских конструкций с глаголом *шындаш* ‘сжать’ определяется как «действие, завершившееся установлением очевидного результата, связанного с возникнове-

¹ В некоторых точках эти классы пересекаются – так, к ним обоим может быть отнесен глагол *siräš* ‘писать’.

² В рамках системы акциональных классов, предложенной в [Татевосов 2016], это могут быть как сильные предельные глаголы, у которых форма претерита обязательно описывает вхождение в результирующее состояние, так и слабые предельные глаголы, у которых форма претерита может описывать либо вхождение в состояние, либо процесс. Некоторые соображения об этой проблеме см. также в Разделе 5.

нием более или менее длительного состояния». По-видимому, это не противоречит нашим данным: выделенные нами классы глаголов вполне укладываются в толкование Б. А. Серебренникова (ср., кроме того, частотный в конструкциях с *šändäš* в корпусе глагол *pitäräš* ‘закрывать, запира́ть’, тоже совместимый с процитированным анализом).

- (8) *kataka-m*   *olt-aš*   *män'ä*   *pu-m*
 печь-ACC   топить-INF   я   дрова-ACC
šel-än   *šänd-äš-äm*
 колоть-CVB   сажать-PRET-1SG
 ‘Чтобы затопить печку, я наколол дров’.

В некоторых случаях глагол *šändäš* выражает пресыщение некоторым ресурсом. Так, в примере (9), взятом из пересказа информантом мультфильма о Винни-Пухе, речь идет о пресыщении едой, результат которого релевантен для сопутствующей ситуации.

- (9) *p'atačok-šê*   *läkt-än*   *ke-ä,*
 Пятачок-POSS.3SG   выходить-CVB   идти-NPST.3SG
a *v'in'n'i-pux* *kačk-än* *šänd-en,*   *mäškär-žä*
 а Винни-Пух есть-CVB сажать-PRET   живот-POSS.3SG
kogo,   *läkt-än*   *a-k*   *kert*
 большой   выходить-CVB NEG.NPST-3 мочь
 ‘Пятачок-то выходит, а Винни-Пух объелся, живот большой, выйти не может’. [Корпус]

В (10) сочетание глагола *šändäš* со смысловым глаголом *jüktäš* ‘поить’ предполагает, по-видимому, высокую степень опьянения, поскольку в результате этого опьянения оказались перепутаны две деревни (Юльялы и Апшак-Пеляк), удаленные друг от друга на несколько километров.

- (10) *jäljäl-vlä-žä*   *tä* *cerkä-m*   *tä-štä*
 Юльялы-PL-POSS.3SG тот церковь-ACC   тот-IN
stroj-âkt-âne-štä   *agâl* *âl-ân-ât*   *v'idnâ*
 строить-CAUS.DIST-DES-3PL NEG быть-PRET-3PL видно
sedändonô jâd-âm, *vad-eš* *stroj-aš*
 поэтому ночь-ACC вечер-LAT строить-INF
tolšê-vlä-län   *jü-kt-en*
 приходить-PTCP.ACT-PL-DAT   пить-CAUS.DIST-CVB

šänd-en-ät, dä nänä samân' äpšäk-peläk-eš
сажать-PRET-3PL и они ошибочно Апшак-Пеляк-LAT
vär-äm äšt-en kod-en-ät
место-ACC делать-CVB оставлять-PRET-3PL

‘Жители Юльял там эту церковь строить, видно, не захотели. Поэтому ночью, вечером строителей напоили, и они по ошибке обозначили место (для церкви) в Апшак-Пеляке.’ [Корпус]

Как было установлено в ходе опроса носителей, конструкция с *šändäš* сочетается с выражениями большого количества и не сочетается с выражениями малого количества:

(11) a. *vas'a šukâ äräkä-m jü-n /*
Вася много алкоголь-ACC пить-PRET
jü-n šänd-en, tädä-län
пить-CVB сажать-PRET он-DAT
kâdal-aš a-k li
ездить-INF NEG.NPST-3 становится
‘Вася много выпил, ему нельзя водить машину’.

b. *vas'a izi-š vele jü-n /*
Вася маленький-ADV только пить-PRET
*jü-n šänd-en, uže mašinä dono
пить-CVB сажать-PRET уже машина с
kâdal kerd-eš
ездить.CVB мочь-NPST.3SG
‘Вася совсем немного выпил, уже может водить машину’.

(12) a. *män' šukâ kal'avongâ-m pog-en-äm /*
я много гриб-ACC собирать-PRET-1SG
pog-en šänd-en-äm
собирать-CVB сажать-PRET-1SG
‘Я много грибов собрала’.

b. *män' čädä kal'avongâ-m pog-en-äm /*
я много гриб-ACC собирать-PRET-1SG
*pog-en šänd-en-äm
собирать-CVB сажать-PRET-1SG
‘Я мало грибов собрала’.

Без эксплицитного выражения большого количества возможна как семантика пресыщения (см. (13), (14)), так и нейтраль-

ная семантика накопления ресурса (см. (15)). Закономерности распределения двух указанных возможностей требуют дальнейшего исследования.

- (13) *vas'a (äräkä-m) jü-n šänd-en*
 Вася алкоголь-ACC пить-CVB сажать-PRET
 'Вася напился (алкоголя)'.
- (14) *män' tagačê rovojaj-en šänd-en-äm,*
 я сегодня работать-CVB сажать-PRET-1SG
kej-em kân-äš
 идти-NPST.1SG отдыхать-INF
 'Я сегодня наработался, пойду отдыхать'.
- (15) *män' kal'avongê-m pog-en šänd-en-äm*
 я гриб-ACC собирать-CVB сажать-PRET-1SG
 'Я собрал грибов (неизвестно сколько)'.

3.2.2 Глагол *šuaš*

Глагол *šuaš* сочетается в первую очередь с глаголами деструкции пациенса – как с перечисленными в Таблице 2, так и, по данным анкетирования информантов, с глаголами *käräš* 'рвать, ошипывать, ломать' *puštaš* 'убивать', *port'aš* 'портить', *liüäš* 'стрелять, застрелить', *roaš* 'рубить', *pêraš* 'грызть', *pêžäš* 'разбирать' (например, старый дом), *jamdaš* 'терять' и нек. др., (см. (16)). Кроме того, в конструкциях с *šuaš* возможны глаголы удаления лишнего объекта (*itäräjäš* 'чистить', *pačkaš* 'стряхивать'). Зафиксированы и сочетания этого глагола с лексемой *mondaš* 'забывать' – см. предложение (17), произнесенное в начале записи текста информантом, начавшим говорить не на горномарийском, а на русском языке. В последнем случае, по-видимому, семантика удаления метафорически сдвигается в ментальную сферу. Такая сочетаемость логично связывается с идеей удаления объекта путем бросания, которую глагол *šuaš* может передавать в исходном значении.

- (16) *pi pëžäš-ëm män' pädêrt-en*
 собака гнездо-ACC я ломать-CVB
šu-š-ëm
 бросить-AOR-1SG
 'Я разломал собачью конуру'.

- (17) *män'-žə mar-la pop-em=əš?*
 я-POSS.3SG мари-EQU говорить-NPST.1SG=PTCL
ex, mond-en šu-en-äm, javâl!
 эх забывать-CVB бросить-PRET-1SG дьявол
 'Я по-марийски говорю ведь? Эх, забыл, дьявол!'
 [Корпус]

3.3 Важные различия

Между конструкциями с глаголами *šändäš* и *šuaš* имеется ряд принципиальных различий. Во-первых, для конструкций с *šuaš*, в отличие от конструкций с *šändäš*, важна не просто пациентивность объекта, а именно семантика деструкции. Так, пример (18b) уместен, когда котел развалился на части либо в нем образовались отверстия, ср. (18a).

- (18) a. *män' rad-əm jâlat-en šänd-en-äm*
 я котел-ACC жечь-CVB сажать-PRET-1SG
 'Я сделал так, что котел обгорел' (но он пригоден к использованию, просто стенки почернели).
 b. *män' rad-əm jâlat-en šu-en-äm*
 я котел-ACC жечь-CVB бросить-PRET-1SG
 'Я сжег котел' (и он непригоден к использованию).

Во-вторых, конструкции с *šändäš* предполагают накопление некоторого результата или ресурса, как в (19a), а конструкции с *šuaš* – удаление Пациенса, как в (19b).

- (19) a. *män' oksa-m postar-e n šänd-en-äm/*
 я деньги-ACC собирать-CVB сажать-PRET-1SG
 **postar-en šu-en-äm mašinä-län*
 собирать-CVB бросить-PRET-1SG машина-DAT
 'Я накопил деньги на машину'.
 b. *män' oksa-m šäv-en šu-en-äm/*
 я деньги-ACC сыпать-CVB бросить-PRET-1SG
 **šäv-en šänd-en-äm*
 сыпать-CVB сажать-PRET-1SG
 'Я потратил деньги'.

В сочетании с глаголами, исходно передающими идею разрушения Пациенса, глагол *šändäš* уместен, если ситуация

предполагает накопление результата разрушения (20a). В противном случае возможен только глагол *šuaš* (20b).

- (20) a. *män'ä irok kačkâš-eš kofe-m jangâšt-en*
 я утро еда-LAT кофе-ACC молотье-CVB
šänd-en-äm / ??jangâšt-en
 сажать-PRET-1SG молотье-CVB
šu-en-äm
 бросить-PRET-1SG
 ‘Я к завтраку намолотила кофе’.

- b. *män'ä kofe saga samân' oksa-m*
 я кофе около ошибочно деньги-ACC
jangâšt-en šu-en-äm /
 молотье-CVB бросить-PRET-1SG
*jangâšt-en šänd-en-äm
 молотье-CVB сажать-PRET-1SG
 ‘Я вместе с кофе случайно перемолотила деньги’.

Как правило (о некоторых отклонениях см. раздел 4), *šändäš*, но не *šuaš* сочетается с глаголами создания нового объекта (и, шире, с теми, которые вводят в дискурс новые объекты). В свою очередь *šuaš* в контекстах удаления сочетается с глаголами, объект которых имеет пресуппозицию существования. Так, в (21a) глагол с семантикой ‘развязать’ содержит пресуппозицию существования объекта, в данном случае узла (ср. #Я развязал узел, его и не было. #Я не развязал узел, его и не было), а в (21b) глагол с семантикой ‘завязать’ указывает на создание нового объекта. Аналогично происходит выбор между глаголами *šändäš* и *šuaš* в разных контекстах употребления смыслового глагола *jogtaraš* ‘выливать / наливать’ в (22).

- (21) a. *män'ä šüt-en šu-en-äm /*
 я развязывать-CVB бросить-PRET-1SG
*šüt-en šänd-en-äm
 развязывать-CVB сажать-PRET-1SG
catkâdâ uz'el-äm
 крепкий узел-ACC
 ‘Я развязал тугой узел’.

- b. *män'ä catkâdâ-n uz'el-äm jalšt-en*
 я крепкий-ADV узел-ACC завязывать-CVB

šänd-en-äm / **jalšt-en*
 сажать-PRET-1SGз завязывать-CVB

šu-en-äm
 бросить-PRET-1SG

‘Я крепко завязал узел’.

- (22) а. *män' peckä gäc-än l'avärä-n väd-äm*
 я бочка EL-FULL грязь-ATTR вода-ACC
jog-tar-en šu-en-äm
 течь-CAUS-CVB бросить-PRET-1SG
 /**jog-tar-en šänd-en-äm*
 течь-CAUS-CVB сажать-PRET-1SG

‘Я вылил из бочки грязную воду’.

- б. *män' jog-tar-en šänd-en-äm* /
 я течь-CAUS-CVB сажать-PRET-1SG
 /**jog-tar-en šu-en-äm vedrä-š*
 течь-CAUS-CVB бросить-PRET-1SG ведро-ILL
itärü väd-äm
 чистый вода-ACC

‘Я налил в ведро чистую воду’.

4. Глагол *šuaš*: отклонения от прототипа

4.1 Периферийные употребления

Как уже было сказано в разделе 3.2.2, дефолтно глагол *šuaš* сочетается с глаголами деструкции. Однако у него имеются и периферийные классы употреблений. Глагол *šuaš* демонстрирует особые свойства в сочетании с конвербами глаголов, второй участник которых является пацентивным, но по семантическим признакам удаленным от прототипа Пациенса (в частности в силу меньшего – по сравнению, например, с глаголами физического воздействия – изменения свойств в результате воздействия Агенса – подробнее о такого рода вопросах см. [Норрег, Thompson 1980; Dowty 1991; Malchukov 2005; Ляшевская, Кашкин 2015: 505–506] и приводимые в указанной работе ссылки). По имеющимся данным, это глаголы обработки (*māškaš* ‘мыть’, *ut'užāš* ‘гладить’) и смены посессора (*vāžalaš* ‘продавать’). В сочетании с такими глаголами конструкция с *šuaš* требует мно-

жественного объекта¹, выражая семантику исчерпания Пациенса и достижения предела. Так, в сочетании с единичным объектом в (23a) конструкция с *šuaš* запрещена. В (23b), где объект множественный и выражено значение его полного охвата, эта конструкция используется свободно. Пример (23c) со множественным объектом, но с эксплицитным указанием на недостижение предела и неполную исчерпанность пациентивного участника, грамматичен не во всех идиолектах. Интересен пример (23d), где даже при наличии выражения с семантикой исчерпанности употребить конструкцию с *šuaš* нельзя. В этом случае имеет место не DEF-квантификация (в терминологии [Татевосов 2002]), оперирующая, как в (23b), над множеством объектов, а СМР-квантификация, в сфере действия которой оказывается единичный объект. Тем самым, по признаку единичности / множественности объекта пример (23d) попадает в один класс с примером (23a) и создает то же ограничение на класс объекта в конструкции с *šuaš*. Подчеркнем, что в прототипических употреблениях *šuaš* с глаголами деструкции указанного ограничения на единичность / множественность объекта не возникает, ср., например, (16), (18), (21).

- (23) а. **mäñ'törölkä-m*   *mâšk-ân*   *šu-š-âm*
я тарелка-ACC   мыть-CVB бросить-AOR-1SG
‘Я помыл тарелку’.
- б. *mäñ'cilä törölkä-m*   *mâšk-ân*
я все тарелка-ACC   мыть-CVB
šu-š-âm
бросить-AOR-1SG
‘Я перемыл все тарелки’.
- с. *?'mäñ'lu*   *törölkä-m*   *mâšk-ân*
я десять тарелка-ACC   мыть-CVB
šu-en-äm,   *väz-ät*   *eče*   *kod-ân*
бросить-PRET-1SG   пять-FULL еще   оставаться-PRET
‘Я 10 тарелок вымыл, 5 еще осталось’.

¹ Под множественным объектом мы подразумеваем здесь и далее семантический признак, совместимый с различными морфосинтаксическими структурами. Так, в конструкциях с кванторными выражениями объект может быть семантически множественным, но оформляться формой единственного числа, (см. [Сидорова, в печати]).

d. *tagačĕ   mĕn' toma xĕlä mĕšk-ĕn
 сегодня я дом весь мыть-CVB
 ŝu-en-ĕm
 бросить-PRET-1SG

Ожидаемое значение: 'Сегодня я весь дом вымыла'.

4.2 Противостоящие факторы

Интересный класс случаев образуют те примеры, в которых происходит конфликт факторов, с одной стороны, семантики смыслового глагола и семантической роли его объекта, и, с другой стороны, вхождения объекта в пресуппозицию. В этих случаях объект имеет семантическую роль Результата, что блокирует конструкцию с *ŝuaŝ*, но одновременно информация о воздействии на него (или о необходимости такого воздействия) присутствует в прагматической пресуппозиции¹ (в понимании [Lambrecht 1994]), что, по предварительным ожиданиям, могло бы способствовать употреблению данной конструкции. Оказывается, что в разных идиолектах этот конфликт факторов разрешается по-разному (в частности, некоторые носители в принципе не допускают в сложном глагольном комплексе с *ŝuaŝ* прямой объект с ролью Результата). Однако для большинства носителей конструкция с *ŝuaŝ* возможна в такой ситуации при множественном объекте и описывает завершение действия. Так, в (24a) и в (24b), где объект понимается как новый и не входит в прагматическую пресуппозицию, глагол *ŝuaŝ* невозможен независимо от единичности / множественности объекта. Однако в примере (24c), указывающем на исчерпание находящегося в прагматической пресуппозиции множественного объекта, конструкция с *ŝuaŝ* уже допустима – и в то же время недопустима в примере (24d), отличающемся от (24c) единичностью объекта.

---

¹ Находиться в семантической пресуппозиции данная информация, по-видимому, не может, в силу того, что возникновение (и, соответственно, само существование) объекта в ситуации входит в ассертивную часть высказывания, исходя из определения семантической роли Результата как нового объекта, создаваемого в ходе осуществления действия. Под нахождением в прагматической пресуппозиции в рассматриваемом случае имеется в виду присутствие в сознании говорящего и слушающего до произнесения высказывания информации о том, что объект заданного класса должен возникнуть как результат действия, о котором идет речь в высказывании. Такой информационный статус не является априори эквивалентным семантической пресуппозиции, однако, в силу его определенного сходства с последней (см. [Lambrecht 1994: 51–54]), нам представляется осмысленным проверить его релевантность для конструкций с *ŝuaŝ*.

- (24) a. *tagačĕ mĕn' koclĕ sir-mäš-ĕm*
 сегодня я двадцать писать-NMLZ-ACC
sir-en-ĕm/ *sir-en ŝu-en-ĕm
 писать-PRET-1SG писать-CVB бросить-PRET-1SG
 'Сегодня я написала 20 писем'.
- b. *mĕ-lĕn-em pet'erburg gĕc ädĕr*
 я-DAT-POSS.1SG Петербург EL девушка
tĕng-em sir-mäš-ĕm sir-en/
 друг-POSS.1SG писать-NMLZ-ACC писать-CVB
*sir-en ŝu-en
 писать-PRET бросить-PRET
 'Мне моя подруга из Петербурга написала письмо'.
- c. *tagačĕ mĕn' koclĕ sir-mäš-ge*
 сегодня я двадцать писать-NMLZ-COM
sir-en ŝu-en-ĕm
 писать-CVB бросить-PRET-1SG
 'Сегодня я написала все 20 писем'.
- d. *mĕn'ĕ otčot-ĕm sir-en-ĕm /*sir-en*
 я отчет-ACC писать-PRET-1SG писать-CVB
ŝu-en-ĕm, ŝukĕ-štĕ agĕl
 бросить-PRET-1SG много-IN NEG
kolt-em
 посылать-NPST.1SG
 'Я написала отчет (который Вы от меня требуете),
 скоро отправлю'.

Еще один пример, иллюстрирующий различия в приемлемости конструкции с *ŝuaš* в зависимости от единичности / множественности объекта, находящегося в прагматической пресуппозиции, представлен в (25). В предложении (25b) со множественным объектом эта конструкция значительно более приемлема, чем в предложении (25a) с единичным объектом.

- (25) a. **mĕn' tĕ šörgĕš-ĕm kĕdĕ-m tĕn'*
 я тот узел-ACC который-ACC ты
jad-ĕn-at jalšt-en
 просить-PRET-2SG завязывать-CVB
ŝu-en-ĕm
 бросить-PRET-1SG

Ожидаемое значение: ‘Я завязал тот узел, который ты попросил’.

- b. ^{OK} *män'*   *tän'*   *šüid-ämä*
я   ты   велеть-PTCP.PASS/NMLZ
šörgäš-et-vlä-m   *jalšt-en*
узел-POSS.2SG-PL-ACC завязывать-CVB
šu-en-äm
бросить-PRET-1SG
‘Я завязал все узлы, которые ты велел’.

5. Заключение

Мы выяснили, что сложные глагольные комплексы с грамматикализованными лексемами *šändäš* ‘сажать’ и *šuaš* ‘бросить’ описывают ситуации достижения предела для различных типов смысловых глаголов. Конструкции с *šändäš* в первую очередь описывают создание нового объекта или накопление ресурса, а конструкции с *šuaš* – различные типы деструкции.

Семантику обоих предикатов в примерах, которые обсуждались выше, можно обобщить таким образом, что они оба вносят в рассматриваемые конструкции идею интенсификации или высокого значения релевантного признака. Так, *šändäš* встречается в контекстах пресыщения каким-либо ресурсом (т. е. указывает на высокое значение признака количества ресурса), а периферийные употребления *šuaš* с рядом глаголов, объект которых не является прототипическим Пациентом, требуют множественности объекта – т. е. высокого значения признака числа объекта (вопрос о том, почему такое ограничение не возникает с глаголами деструкции, требует дальнейшего исследования).

Интенсификационную семантику различного рода вносят и другие грамматикализованные предикаты в сложных глагольных комплексах. Так, глагол *šalgaš* ‘стоять’ развивает семантику фреквентатива (‘ситуация Р происходит часто’), указывая на высокое значение признака частоты [Кашкин 2018]. Глагол *keäš* ‘идти, уходить’ во многих контекстах выделяет быстрый переход в новое состояние, т. е. высокое значение признака скорости [Кашкин 2017]. Интенсификации, тем самым, подвергается какой-либо параметр, релевантный для семантики элементов заданной конструкции. Перспективным представляется дальнейший анализ данного процесса на материале более широкого списка конструкций.

Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккумулятив; ADV – адвербиализатор; AOR – аорист (1-е прошедшее время); ATTR – атрибутивизатор; CAUS – каузатив; CAUS.DIST – дистантный каузатив; COM – комитатив; CVB – конверб; DAT – датив; DENOM – показатель отыменного глагола; EL – элатив; EMPH – эмфатическая частица; EQU – экватив; FULL – полная форма; ILL – иллатив; ILL2 – второй (непродуктивный) иллатив; IN – инессив; INF – инфинитив; LAT – латив; NEG – отрицание; NMLZ – номинализация; NPST – непрошедшее время; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRET – претерит (2-е прошедшее время); PTCL – частица; PTCP.ACT – активное причастие; PTCP.PASS – пассивное причастие; SG – единственное число.

Литература

Гращенко П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015. 264 с.

Кашкин Е. В. К типологии грамматикализации глаголов перемещения: горномарийский глагол *keäš* 'идти, уходить' // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 36–47.

Кашкин Е. В. Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум (Чебоксары, 21-24 мая 2018 г.). Сборник статей. — Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2018. С. 178–184.

Ляшевская О. Н., Кашкин Е. В. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, № 6, 2015. С. 464–556.

Мордашова Д. Д. Особенности лексико-семантического поля бросания в горномарийском языке (на материале говора с. Кузнецово) // Доклад на Чтениях к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ, 3–4 марта 2017 г.).

Падучева Е. В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. – 2004 – № 5. С. 46–57.

Пенгитов И. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И. (ред.) Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. 324 с.

Серебрянников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 300 с.

Сидорова М. А. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях // Acta Linguistica Petropolitana. В печати.

Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 240 с.

Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016. 568 с.

Чхаидзе М. П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1969. 105 с.

Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) Serial verb constructions. A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2006. xxiv + 369 pp.

Amberber M., Baker B., Harvey M. (eds.) Complex predicates. Cross-linguistic perspectives and event structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. viii + 322 pp.

Bradley J. Mari converb constructions: interpretation and translation. MA Thesis. Vienna: University of Vienna, 2010. 129 pp.

Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. – 1991 – Vol. 67, № 3. P. 547–619.

Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 1992-1993. – № 16/17. P. 59–105.

Hopper P., Thompson S. Transitivity and grammar and discourse // Language. – 1980. – Vol. 56 (2). P. 251–299.

Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // Lexical matters. Ed. by I. Sag, A. Szabolcsi (eds.). Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 29–53.

Lambrecht K. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 pp.

Malchukov A. Case pattern splits, verb types and construction competition // Competition and variation in natural languages: The case for case. Ed. by M. Amberber, H. de Hoop. London / New York: Elsevier Science, 2005. P. 73–117.

Резюме

В статье на материале восточных говоров горномарийского языка (с. Кузнецово и окрестности) рассматриваются сложные глагольные комплексы, состоящие из конверба смыслового глагола и грамматикализованного финитного глагола. Из последних мы подробно обсуждаем предикаты *šändäš* ‘сажать’ и *šuaš* ‘бросить’, вносящие семантику достижения предела. Материал получен как методом анкетирования носителей языка, так и в резуль-

тате анализа корпуса расшифрованных устных текстов. Обсуждаются основные значения указанных конструкций, классы совместимых с ними смысловых глаголов, сочетаемостные ограничения и семантические различия конструкций. В работах предшественников эта проблематика освещена достаточно фрагментарно. Кроме того, мы затрагиваем вопрос о влиянии на употребление данных глаголов таких факторов, как семантическая и прагматическая пресуппозиции, а также количественные характеристики объекта. В заключении с привлечением более широкого фона обсуждается семантика интенсификации / отклонения от нормы, в целом свойственная сложным глагольным комплексам в горномарийском языке, а также их взаимодействие с акциональной системой горномарийского языка.

Ключевые слова: горномарийский язык, сложные глагольные комплексы, семантика, грамматикализация, предельность.

ON THE SEMANTICS OF COMPLEX VERB CONSTRUCTIONS IN HILL MARI: COMPLECTIVE CONSTRUCTIONS

Egor V. Kashkin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
egorkashkin@rambler.ru

The article deals with complex verb constructions in the Eastern local dialects of Hill Mari (Kuznetsovo and some neighbouring villages). These are combinations of two verbs in which the first verb (lexical verb) contributes its lexical meaning and takes the form of converb, and the second verb functions as a finite light verb. We focus on the light verbs *šändäš* 'to seat' and *šuaš* 'to throw', which refer to achieving a result state. The data come from both elicitation and the corpus of transcribed oral narratives. I discuss basic meanings of the constructions concerned, semantic classes of lexical verbs, collocational restrictions and semantic differences between constructions. These issues were not elaborated on in the previous research. In addition, I show how the use of the light verbs in question is influenced by semantic and pragmatic presupposition, and also by the quantificational properties of an object. In conclusion, I discuss the intensificational semantics expressed by the constructions in question, as well as their interaction with the Aktionsart system of Hill Mari.

Keywords: Hill Mari, compound verbal constructions, semantics, grammaticalization, telicity.

References

Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) Serial verb constructions. A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2006. xxiv + 369 pp.

Amberber M., Baker B., Harvey M. (eds.) Complex predicates. Cross-linguistic perspectives and event structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. viii + 322 pp.

Bradley J. Mari converb constructions: interpretation and translation. MA Thesis. Vienna: University of Vienna, 2010. 129 pp.

Chkhaidze M. P. Sparennye glagoly v marijskom jazyke [Paired verbs in Mari]. Yoshkar-Ola: Mari Publishing house, 1969. 105 pp.

Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. – 1991 – Vol. 67, № 3. P. 547–619.

Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. – 1992-1993. – № 16/17. P. 59–105.

Grashchenkov P. V. Tyurkskie konverby i serializaciya: sintaksis, semantika, grammatikalizaciya [Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 264 pp.

Hopper P., Thompson S. Transitivity and grammar and discourse // *Language*. – 1980. – Vol. 56 (2). P. 251–299.

Kashkin E. V. K tipologii grammatikalizacii glagolov peremeshcheniya: gornomarijskij glagol *keäš* 'idti, uhodit' [Towards a typology of the grammaticalization of motion verbs: Hill Mari verb *keäš* 'go, leave'] // *Problemy komp'yuternoj lingvistiki i tipologii* [Issues in computational linguistics and typology]. Voronezh: VSU Publishing house, 2017. P. 36–47.

Kashkin E. V. Grammatikalizaciya gornomarijskih glagolov pozicii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs] // *Jazykovye kontakty narodov Povolzh'ja i Urala. XI Mezhdunarodnyj simpozium* (Cheboksary, 21-24 maja 2018 g.). [Language contacts of the Volga and the Ural regions peoples. XI International symposium (Cheboksary, 21-24 May 2018)]. Cheboksary: Chuvash University Publishing house, 2018. P. 178–184.

Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // *Lexical matters*. Ed. by I. Sag, A. Szabolcsi (eds.). Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 29–53.

Lambrecht K. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 pp.

Lyashevskaya O. N., Kashkin E. V. Tipy informacii o leksicheskikh konstrukcijah v sisteme FrameBank [Types of information on lexical constructions in the FrameBank system] // *Trudy Instituta ruskogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Transactions of V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS], № 6, 2015. P. 464–556.

Malchukov A. Case pattern splits, verb types and construction competition // *Competition and variation in natural languages: The case for case*. Ed. by M. Amberber, H. de Hoop. London / New York: Elsevier Science, 2005. P. 73–117.

Mordashova D. D. Osobennosti leksiko-semanticheskogo polya brosaniya v gornomarijskom jazyke (na materiale govora s. Kuznecovo) [The semantic field of throwing in Hill Mari (evidence from the local dialect of Kuznetsovo)] // *Talk*

at the Conference for the 85th anniversary of A. I. Kuznecova (MSU, 3-4 March 2017).

Paducheva E. V. «Nakopitel' jeffekta» i ruskaja aspektologija [The “incremental theme” and Russian aspectology] // *Voprosy Jazykoznanija*. – 2004 - № 5. P. 46–57.

Pengitov I. T., Galkin I. S., Isanbaev N. I. (eds.) *Sovremennyj marijskij yazyk. Morfologiya* [Contemporary Mari language. Morphology]. Joshkar-Ola: Mari publishing house, 1961. 324 pp.

Serebrennikov B. A. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskih yazykah permskoj i volzhskoj grupp* [Categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volgaic groups]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing house, 1960. 300 pp.

Sidorova M. A. *Chislovoe markirovanie sushchestvitel'nogo v gornomarijskih kolichestvennyh konstrukcijah* [Noun number marking in Hill Mari quantified expressions] // *Acta Linguistica Petropolitana*. In press.

Tatevosov S. G. *Semantika sostavlyayushchih imennoj gruppy: kvantornye slova* [The semantics of NP constituents: universal quantifiers]. Moscow: Institute of World Literature RAS, 2002. 240 pp.

Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i tipologiya akcional'nosti* [Verb classes and the typology of Aktionsart]. Moscow: *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, 2016. 568 pp.